

Глава 1

Загадочная находка

Мадам Бриджитта Леру жила в Саквояжном районе, сколько себя помнила. И жила она не у какой-то чопорной площади Неми-Дре или у важных Чемоданников — ее домик стоял под Хриплым мостом у самого канала Брилли-Мю.

О таких говорят, что они соседствуют с блохами, поскольку даже в хмурую погоду в тех местах можно частенько увидеть здоровенных блох, прыгающих по крышам трущобного района Фли, который простирается на другом берегу. Мадам Леру многое могла рассказать об этих блохах. Как, впрочем, и о чем угодно другом: ей не был нужен лишний повод поговорить.

Бриджитта Леру, несколько широкая как в кости, так и во всем прочем, обычно одевалась скромно и чинно — как, по ее мнению, и подобало порядочной женщине. Бордовое, расшитое цветочным узором платье досталось ей от матери, а пальто она однажды выловила в канале. Хоть мадам и не была богата, но в модных веяньях считала себя сведущей — вон какая у нее шляпка! Ну и что, что потертая, ну и что, что перья пообтрепались! Можно подумать, если бы у старьевщика мистера Бо была шляпка получше, она бы ее не купила! И вообще, отстаньте от ее шляпки — у нее и так настроение хуже некуда.

Во многом из-за боа, которое было на ней сейчас вместо привычного шарфа. «И зачем я только его надела?!» — корила себя мадам.

Выходя этим утром из дома, Бриджитта Леру едва ли не парила от предвкушения — еще бы, ведь подобная экстравагантная деталь гардероба точно должна была кое-кого впечатлить, вот только прохожие то и дело как-то странно на нее косились, и постепенно ей стало казаться, что выглядит она глупо. Это было чрезвычайно досадно, ведь она так расстаралась, чтобы сделать боа: сама наловила голубей, лично их общипала, следила за тем, чтобы перья были сугубо кофейных оттенков...

Эх, жизнь полна разочарований...

Был уже вечер, смеркалось, у мадам Леру устали ноги, а плетеная корзина, которую она повсюду с собой таскала, с каждым шагом будто бы становилась все тяжелее.

— Не стоило так много набирать... эх, не стоило, — ворчала мадам.

Корзина наполнилась дырявыми и рваными вещами, а все потому, что Бриджитта Леру была заплатницей: чинила одежду за небольшую плату, пришивала пуговицы, штопала дыры, ставила латки — ночи напролет сидела с иглой в руках у коптящей керосиновой лампы, а днями бродила по Тремпл-Толл в поисках заказчиков.

Сегодняшний день выдался крайне долгим и невероятно утомительным. Сперва мадам доставила мисс Уотерс и ее компаньонке мисс Чикк миленькие заштопанные платьица. После был литейщик мистер Реббин с его старым бушлатом, затем — грубиян-кебмен мистер Боури с протертыми штанами, ну а последним она посетила простуженного почтальона мистера Уигли (пришить пуговицы на жилетку и подправить лацкан на шинели). Раздав починенные вещи, мадам Леру обошла окрестности Рынкав-сером-колодце, узнавая у жильцов, не нужны ли кому ее услуги. В итоге корзина заплатницы оказалась заполнена

работой на новую бессонную ночь, но, прежде чем отправиться домой, мадам нужно было заглянуть еще кое-куда. Она уже буквально слышала ворчание целый день голодавшего мистера Леру, ее старого отца, но ему придется подождать ее еще немного...

— Простите, мэм! — воскликнул кто-то.

Бриджитта Леру так глубоко задумалась, что едва не столкнулась с... темно-красным дымным облаком. Хотя правильнее будет сказать, что именно облако чуть на нее не налетело.

— Это еще что за новости? — возмутилась заплатница.

В облаке показалась девушка в коричневом пальто; на ее ногах сидела пара шумных паровых роликов — как раз они дым и выпускали.

— Вы не подскажите, где здесь тупик Кривотолков? — спросила девушка и, вместо того чтобы, как нормальный человек, остановиться, принялась колесить вокруг заплатницы, задымляя ее и вызывая у нее морскую болезнь.

— Что еще за кривотолки? — раздраженно спросила мадам Леру.

— Ну, кривотолки, — отвечала колесунья. — Вроде сплетен!

— Не припомню я что-то никаких кривотолков. Здесь ничего такого нет!

— Ум... благодарю, — огорченно сказала девушка и унеслась прочь, вверх по улице Фили.

Мадам Леру недовольно поглядела ей вслед. То ли разносчица, то ли посыльная из лавки, решила она. Вот в ее молодости девушки подобным не занимались — у них были уважаемые профессии вроде чесальщиц одеял, безжалостно изгонявших блох и клопов, или тех же заплатниц — что может быть важнее и благороднее, чем противостоять сквознякам, заделывать прорехи, штопать дыры? Да если бы не гордые заплатницы и штопальщицы, весь город походил бы на жуткое-прежуткое решето!

Мадам Леру перехватила корзину поудобнее и продолжила путь. Очередной повод для раздражения не заставил себя ждать.

Навстречу мадам шел пухлый джентльмен, бубнящий себе под нос что-то о бабочках и улыбнувшийся ей так, словно они с ней старые знакомые. Заплатница прекрасно знала, что значат эти улыбочки. Ее старый отец частенько говорил: «Не верь этим улыбочкам, Бриджи. До добра они не доведут. Сперва такой тип завлекает тебя улыбочками, а потом глядишь — и ты уже оказываешься чьей-то миссис с выводком голодных мальков». Пухлый джентльмен лучился с головы до пят — он выглядел таким радостным, как будто впереди его ждало нечто прекрасное и изумительное, и это вызвало у заплатницы справедливую досаду.

В итоге настроение у мадам Леру испортилось окончательно. Оставалось надеяться, что его улучшит человек, к которому она направлялась. И это невзирая на то, что человек этот днями напролет нес всем и каждому дурные вести, словно сидящий на башенных часах ворон, который все никак не накарается. Если задуматься, с вороном у него было и правда много сходства: вечно хмурый, да еще и постоянно носит черное...

Мадам Леру свернула с улицы Фили на улицу Худых Ставен, после чего направилась в переулок Трокар.

В отличие от задворок Рынка-в-сером-колодце, проходжих здесь не было, да и вообще местечко казалось сонным и едва ли не покинутым. Судя по ковру из опавших листьев под ногами, дворник сюда давненько не заглядывал. А учитывая наполненные зеленоватой дождевой водой бутылки из-под молока, стоявшие у некоторых дверей, и молочник тоже.

Двухэтажные домишки, обвитые то и дело вздрагивающими и пропускающими пар старыми трубами, стояли тесно и благодаря круглым чердачным окнам походили на странных одноглазых существ.

Переулок Трокар отличался от других мест Саквояжного района тем, что на крышах его домов было свалено множество различного хлама: мебели, одежных вешалок, деталей от экипажей. На одной крыше и вовсе ржавело древнее летательное устройство, в иллюминаторах которого проглядывали сонные кошачьи морды...

Человек, похожий на мрачного ворона, жил где-то здесь...

Мадам нужен был дом с потертой вишневой дверью и цифрой «7» на бронзовой табличке, и вскоре она его нашла.

У дома № 7 раскинулся розарий — ночной кошмар любого хорошего садовника: неухоженные заросли занимали все пространство по обе стороны от входа. Среди путаных стеблей с длинными, в палец, шипами и бурыми листьями проглядывали прекрасные и в то же время жутковатые багровые цветы, похожие на пятна крови.

Мадам Леру подошла к двери и, поудобнее перехватив корзину, постучала в дверной молоток. Ожидая, когда ей откроют, заплатница успела соорудить на лице сперва одну приветливую мину, затем отвергла ее как чрезмерно фривольную и легкомысленную, после чего заменила ее на другую, которая, по правде, выглядела еще легкомысленнее.

Наконец раздались шаги, дверь открылась, и на пороге появился высокий джентльмен с бледным лицом, одетый безукоризненно, пахнущий — мадам Леру едва сдержалась, чтобы не ахнуть в голос, — так же великолепно. Идеально симметричные воротнички, скупые движения и запах кофе — Натаниэль Френсис Доу собственной персоной.

Доктор Доу будто бы сошел со страниц какой-то книжки — так разительно он отличался от прочих мужчин в Саквояжне. И тут заплатница могла бы сделать исключение — она была бы несколько не против его улыбки. Беда в том, что — и все это знали — доктор Доу никогда не улыбался. Мадам Леру полагала, это как-то связано с его грустными серьезными мыслями.

— Добрый вечер, мэ́м, — поздоровался доктор, бросив пытливый взгляд на посетительницу и удостоив отдельным вниманием ее голубиное боа. — Я так понимаю, вас привело ко мне что-то срочное.

Мадам Леру спорить не стала, несмотря на то что дело ее особой срочности не имело.

Пригласив заплатницу в дом, доктор провел ее по узкой лестнице на второй этаж, в свой кабинет, прикрыл за посетительницей дверь и сел за стол.

— Итак. Что вас беспокоит, мэ́м?

— О, доктор! Я ничем не больна! У меня прекрасное, прекрасное самочувствие! Вы только поглядите на этот здоровый нежный румянец.

«Нежный» румянец мадам Леру походил скорее на багрянец, какой бывает у кочегаров подле раскаленной топки, и наличие его, в понимании доктора, ничем здоровым не являлось.

— Если вы ни на что не жалуетесь, мэ́м, — недоуменно проговорил Натаниэль Доу, — могу я узнать цель вашего визита?

— Конечно-конечно! — Мадам Леру взгромодила на стол свою корзину и подняла крышку. — Полюбуйтесь-ка, господин доктор!

В корзине аккуратной стопочкой была сложена разномастная одежда: дамское платье, мужской картуз, костюмная жилетка и что-то, что, видимо, являлось — доктор не был уверен — чулками...

— Если вы намеревались меня смутить, мэ́м, то...

— Ой, что ж это я! — всполошилась мадам Леру. — Вы же так ничего не увидите!

Она поспешно достала из глубины корзины весьма увесистый с виду сверток — судя по запаху, внутри была протухшая рыба, — развернула его и выжидающе улыбнулась.

— Что скажете, доктор?

Доктору Доу предстало нечто странное и с некоторой стороны даже тошнотворное. Перед ним лежалодохлое

существо, и, признаться, ему никогда прежде не доводилось видеть ничего подобного. Худошавое тельце, хрупкие ручки и ножки, голова сидит на тонкой, с большой палец самого доктора, шее. При этом существо являлось обладателем длинного горбатого носа; в крупных, размером с пуговичный пенни, ноздрях виднелись застывшие желтые сопли. Глаза у существа были выпучены, зрачки усталились в одну точку.

Судя по запаху, это нечто было мертво уже больше двенадцати часов. Вывалившийся на тонкую впалую грудь раздувшийся черный язык намекал на то, что оно стало жертвой либо отравления, либо удушья.

— Что это такое, как думаете? — спросила мадам Леру. — Какая-то странная кошка?

— Но ведь у существа совсем нет шерсти, — заметил доктор Доу.

— Не знаю, какая-то больная кошка?.. Вот я и подумала, что вам, господин доктор, стоит на это взглянуть — вдруг оно заразное?

— Расскажите, при каких обстоятельствах вы его обнаружили?

Мадам Леру тут же погрузстнела.

— Я нашла его утром. В таком вот неподобающем виде! Должно быть, эта кош... это, как вы выразились, существо забралось в дом через открытую форточку. А потом спрыгнуло вниз и разбило стоявшую на подоконнике милую куколку, которую я купила в подарок Эбби, дочери моей кузины.

Доктор отметил влипшие в кожу мертвого существа пылинки и крошечные осколки, которые при ближайшем рассмотрении оказались крашеным фарфором — части куклы, понял он.

— Я очень обеспокоена, господин доктор! — продолжала мадам Леру. — Сперва лысые кошки, потом эти... черви из... — Она испуганно прикрыла рот ладонью. — Вы и сами знаете

откуда. Это вызывает тревогу! Простым добрым женщинам вроде меня в этом городе с каждым днем становится все страшнее жить... А кукла... прекрасная кукла, которую я купила у мистера Бо! Она была такой миленькой и совсем новой! И Эбби будет так горевать, когда я ей расскажу, какой красивой была эта фарфоровая малышка! Вы бы видели ее чудесные локоны, а что уж говорить о платьице или румяных щечках! Остались одни осколки...

Доктор Доу не слушал причитания женщины. Не отрывая взгляда от странного существа на столе, он взял тонкий шпатель для языка, при помощи которого осматривал гортани пациентов, и, аккуратно просунув его под губу крошечного мертвеца, приподнял черный язык, заглянул под него. Мадам Леру едва не стошнило.

— Мистер Бо, который продал вам куклу, — задумчиво проговорил доктор, — это старьевщик из Слякотного прохода?

— Он самый. Мистера Бо все знают.

— Откуда у него новая кукла?

Мадам Леру поджала губы — ей показалось, что доктор усомнился в ее словах.

— Я не понимаю...

Доктор Доу поднял голову и поглядел на нее так, словно впервые увидел, — странная находка заняла все его мысли.

— Простите, мэ, — сказал он. — Размышления вслух.

— Ничего-ничего, господин доктор, — махнула пухлой рукой мадам Леру. — Так как вы думаете, оно заразное?

— Боюсь, я смогу это определить лишь после вскрытия, мэ. Если хотите, можете попристутствовать.

Встав из-за стола, доктор взял с хирургического столика на колесиках скальпель и выразительно поглядел на женщину. Та вздрогнула.

— Ой, что вы, что вы, господин доктор! Я не хочу вас... э-э-э... обременять.

Поспешно закрыв корзину, мадам Леру подхватила ее и двинулась к двери. Разговоры о вскрытии мгновенно придушили все ее романтические настроения.

— Я провожу вас, — сказал доктор.

— Вы ведь сообщите мне, если этот коротышка заразный?

— Конечно, мэ.

Доктор бросил еще один любопытный взгляд на мертвое существо и покинул кабинет следом за мадам Леру.

Джаспер Доу сидел у себя в комнате на кровати и читал свежий выпуск журнала «Роман-с-продолжением», главный герой которого, ловкий авантюрист, путешественник, археолог и пилот биплана мистер Суон, попал в очередную неприятность. В эти мгновения он как раз завис над пропастью, а его альпеншток, воткнутый в щель в отвесной скале, был единственным, что соединяло его с твердой поверхностью. Рука в кожаной перчатке начала соскальзывать с рукоятки альпенштока, и мистера Суона постигло запоздалое осознание: коварная мадам де Норре смазала ее маслом. При этом, даже висая над пропастью, он не мог не восхититься злокозненной изобретательностью и находчивостью этой прекрасной во всех смыслах женщины...

Рука мистера Суона сползала все ниже и ниже, до края рукоятки оставалось уже меньше дюйма, мышцы на руке мистера Суона напряглись, как корабельные канаты, пот стекал по его летным очкам. Известный путешественник уже почти сорвался...

Джаспер поднял голову и устремил взгляд в окно. Он часто так делал: прерывал чтение на самом пугающем моменте — давал герою небольшую передышку, а себе — возможность придумать, каким образом выкрутился бы он сам, попади он в подобные обстоятельства. Что ж, сейчас ему

на ум приходил только гарпунный пистолет на поясе, но он помнил, что в прошлой главе коварная мадам де Норре перерезала заправленный в катушку пистолета трос. Джаспер попытался вспомнить, надел ли мистер Суон свой любимый кожаный рюкзак с парашютным куполом, который не раз его спасал.

«Нет, парашют остался в лагере. Это было в главе про золотого идола племени Чучи...»

Джаспер собрался с духом и вернулся к чтению.

«Рука мистера Суона уже почти-почти соскользнула...

Из крон растущих в некотором отдалении деревьев выпутался не предвещающий ничего хорошего порыв ветра. Он понесся к висящему на скале мистеру Суону, и в его вое нашему герою послышался злодейский смех мадам де Норре. Этот роковой ветер должен был оборвать очередное приключение и саму жизнь славного путешественника, но тут...»

— Джаспер! — раздалось вдруг из-за стены. — Джаспер! Зайди ко мне в кабинет!

Джаспер тяжело вздохнул и подумал: «А что будет, если я не отвечу? Может, дядюшка решит, что меня тут нет, что я куда-то исчез, и оставит меня в покое хотя бы до конца странички?»

Ответом на его мысли было очередное: «Джаспер!» — и мальчик понял, что никто его в покое оставлять не собирается.

Он нехотя отложил журнал, прыгнул с кровати и потопал в кабинет дядюшки.

Дядюшка Натаниэль сидел за своим столом. Над его макушкой на длинных гнутых шеях сгрудилось несколько ламп. Они были похожи на любопытных зевак, заглядывающих ему через плечо.

Когда Джаспер вошел, дядюшка, не поднимая головы, сказал:

— Думаю, тебе будет любопытно на это взглянуть.

Мальчик приблизился и буквально застыл, уставившись на странное нечто на дядюшкином столе. Крошечное голенькое существо глядело прямо на него своим неживым взглядом, словно ожидая чего-то. Джаспер и думать забыл об оставленном в спальне журнале.

— Предвосхищая твоё недоумение и последующие за ним очевидные вопросы, — начал дядюшка, — скажу, что это отнюдь не странная больная кошка и что это создание принесла сюда мадам Леру, которая живет возле канала. У тебя есть какие-нибудь предположения, что это?

— Я не знаю, — сконфуженно ответил мальчик. — Какой-то человек?

Дядюшка едва не нарушил свою извечную маску холодной строгости nepозволительной для себя улыбкой.

— Человек? — Он поднял бровь. — Не слишком-то достойное настоящего исследователя определение. Человек... кхм...

— А что же это тогда? — раздраженно спросил Джаспер. Он терпеть не мог, когда дядюшка принимался снисходительно занудничать, словно какой-то трехсотлетний профессор, — за доктором Доу водилась такая вредная, по мнению племянника, привычка.

— Ну конечно же, это греmlin, — сказал дядюшка. — Самый что ни на есть настоящий греmlin.

Племянник округлил глаза и, зажав пальцами нос, склонился над изрядно воняющим существом.

— Из тех, которые «Ты ведешь себя как непослушный греmlin»? — Джаспер припомнил одну из любимых фраз мамы — она говорила ему ее всякий раз, как он отказывался убирать в своей комнате.

— Полагаю, к послушанию или непослушанию гремлины не имеют никакого отношения, — продолжил занудничать дядюшка. — Думаю, так говорят потому, что это как-то связано с тем кавардаком, который оставляют после себя

гремлины-вредители. Ну, или дети, разбрасывающие повсюду свои... эм-м... как это называется?

— Игрушки, — с утомленным вздохом подсказал Джаспер. В мире Натаниэля Френсиса Доу такого понятия, как игрушки, в принципе не существовало. Племянника частенько посещала мысль, что дядюшка и вовсе родился на свет уже взрослым, со строго поджатыми губами, в одном из своих кромешно-черных костюмов.

Джаспер проворчал:

— Я и так знаю, почему детей сравнивают с гремлинами. Просто не знал, что вот это, — он ткнул пальцем в маленького мертвеца, — греmlin. Ого, какие у него зубы! Такими, наверное, несложно грызть часы.

— Не только часы.

Прежде Джаспер гремлинов не видел. Слышал лишь, что они в изобилии водятся в окрестностях железных свалок и возле фабрик в Гари. Гремлины считаются настоящей напастью, ведь питаются они едва ли не всем, что под руку подвернется: обожают гвозди, канцелярские кнопки и шестеренки, пьют машинное масло и керосин, а закусывают мылом и парафином. В Старом центре есть даже специальная служба по отлову гремлинов, но где Старый центр, а где Тремпл-Толл! Если верить тому, что говорят, живут гремлины глубоко под землей, а когда все же выбираются из своих нор, то людям на глаза по очевидным причинам стараются не попадаться.

Признаться, представлял Джаспер этих вредительских коротышек по-другому: крошечное существо на столе, что бы ни говорил дядюшка, очень походило на человека, в то время как мальчик до сего момента полагал, будто гремлины выглядят как белки с железными зубами.

— Что ты будешь с ним делать? — спросил Джаспер и только сейчас заметил, что на руках у дядюшки его белые рабочие перчатки.

Доктор Доу закрепил над гремлином увеличительное стекло с выпуклой линзой.

— Я собираюсь установить причину смерти.

— Причину сме-е-ерти? — вдохновенно протянул Джаспер. — Так и знал, что здесь кроется какая-то тайна! Думаешь, его убили? И это как-то связано с коварными выходами злодеев, желающих остаться неизвестными?

Натаниэль Доу неодобрительно поглядел на племянника — тот с малых лет обладал тем, что доктор крайне не приветствовал: богатой фантазией и особой впечатлительностью.

— Вряд ли здесь кроется какая-то тайна, Джаспер, — сказал дядюшка. — Мадам Леру опасается, что греmlin умер от болезни, и желает удостовериться, что эта болезнь, если она имеет место, не заразна. Между тем нет никаких свидетельств того, что греmlinские болезни (о которых науке практически ничего не известно) передаются человеку. Впрочем, сам он теоретически мог умереть от какого-то недуга. Я собираюсь это выяснить. Выскажу предположение, что ты не откажешься мне ассистировать.

Джаспер бросил испытующий взгляд на маленького мертвеца: в этом существе ощущалось что-то таинственное, ведь не зря же оно оказалось на дядюшкином столе — в том смысле, что не каждый день сюда попадают гремлины. Джаспер ни за что бы себе не простил, если бы упустил возможность поучаствовать в разгадке тайны его загадочной смерти. Он не верил, что дело в простой скучной болезни. Это ведь не какая-то миссис Гринуэй с улицы Слив с ее странным кашлем или мистер Брюквинс из мясной лавки с чесоткой — это самый настоящий греmlin!

— Конечно, дядюшка, — сказал Джаспер, — я помогу тебе.

В предвкушении он выбрал из лежащей на столе стопки рабочих тетрадей доктора Доу «Дневник вскрытый», взял карандаш и приготовился записывать...

Вскрытие доктор Доу проводил по принципу самой обычной аутопсии: сперва разрезал грудную и брюшную полости,

после чего принялся изымать из маленького мертвеца крошечные, будто бы игрушечные, внутренности. Каждый орган он тщательно осматривал, взвешивал на небольших весах, а Джаспер тем временем под монотонную дядюшкину диктовку заносил в тетрадь их подробное описание:

— Печень — пять дюймов в длину. Вес... две целых четыре десятых унции. Судя по надрезу, она совершенно здорова.

— Кажется, он не был завсегдаем керосинного паба для гремлинов, — усмехнулся Джаспер.

— Ну, не будем делать поспешных выводов, — как всегда, не понял шутку дядюшка. — Сперва изучим содержимое его желудка. Но перед этим... что тут у нас? Сердце... Что ж, оно весьма похоже на человеческое, только меньше — два дюйма в длину. Сердце также выглядит здоровым. Вес... ноль целых восемь десятых унции...

И так далее и тому подобное... Под хлюпанье капающей ярко-алой крови гремлина доктор комментировал все, что находил, а Джаспер дотошно делал записи своим идеальным почерком в тетрадь и прерывался лишь на то, чтобы обновить карандашный грифель.

Ни вид крови, ни само вскрытие мальчика не пугали — он присутствовал на многих хирургических операциях, еще когда дядюшка служил заместителем главного хирурга в Больнице Странных Болезней (родители хотели, чтобы Джаспер стал доктором). Его больше огорчало то, что они с дядюшкой пока не нашли ничего действительно любопытного, непонятного или хотя бы неоднозначного.

На очереди был желудок мертвого гремлина, на который Джаспер возлагал особые надежды. Но и тут все обстояло предельно скучно. Доктор лишь отметил крайне плотные ткани, а еще желудочный сок, обладающий повышенной едкостью, — тот даже разъял перчатку, и Натаниэль Доу едва успел сорвать ее с руки...

Вскрытие было завершено примерно через час. Все изъятые органы переместились в баночки с притертыми крышками, а инструменты, как следует промытые и вычищенные, снова заняли свои места на столике.

Доктор Доу уселся в кресло и принялся наблюдать за тем, как Джаспер, закусив губу, сосредоточенно зашивает гремлина: племянник не мог поверить, что ему доверили такое важное и ответственное дело.

— Никакой патологии я не обнаружил, — сказал доктор Доу задумчиво. — Разумеется, я имею в виду патологию, присущую человеку, — кто знает, какие у гремлинов могут быть болезни.

— Тогда что же его убило, дядюшка? — спросил мальчик, делая очередной стежок. — Его же что-то убило, так?

— Пятна на коже, синюшность лица, цвет языка, цвет крови... Я придерживаюсь своего изначального вывода: это асфиксия.

Джаспер попытался вспомнить, что это значит. Вроде бы один из дядюшкиных коллег-докторов из больницы частенько ворчал, что галстук, который заставляет его носить супруга, вызывает у него эту асфиксию...

— Он задохнулся? — спросил мальчик.

Доктор Доу кивнул.

— Но я убежден в том, что асфиксия лишь следствие. Следствие отравления.

— Отравления?! У гремлина?! Но они ведь едят всякую гадость вроде гуталина, пьют чернила...

— Верно, но отравиться можно еще и ядом. Что-то он точно сожрал. — Доктор Доу кивнул на оцинкованный судок, полный битой фарфоровой крошки, извлеченной из желудка гремлина. — Я еще проведу дополнительные исследования для подтверждения, но, вероятно, фарфор был смазан гремлинской отравой. Судя по всему, наш пациент решил угоститься куклой, которую разбил, забравшись в дом мадам Леру.

— Вот и вся тайна, — грустно сказал Джаспер.

Он так надеялся, что смерть гремлина стала следствием каких-нибудь загадочных причин. Что его либо отравили заговорщики, либо заманила в свои сети и обвела вокруг пальца коварная незнакомка — и вот он лежит на столе, а убийца передал через него кому-то какое-то мрачное послание, и только они, Джаспер и его дядюшка Натаниэль, могут обнаружить и прочесть это послание... Но на деле все оказалось куда как более прозаично: гремлин-вредитель просто съел отраву и теперь лежал белый и холодный, а на его груди и животе багровел аккуратненько сшитый надрез в форме буквы Y.

Разочарование легко читалось на лице племянника, и доктор поспешил его утешить, но, как и всегда, сделал это в своей неловкой манере:

— Ну, Джаспер, не огорчайся, — с ноткой коронного высокомерия и целой симфонией обычного занудства сказал он. — Должен заметить, не каждый труп таит в себе загадку. Чаще всего люди умирают так же скучно, как и жили. Кругом обитают сотни бессмысленных существ, которые однажды так же бессмысленно поскользнутся, подавятся, задохнутся, утонут, разобьются, угорят от газа, попадут под колеса кеба, в конце концов.

— Да-да, — проворчал Джаспер. — Я понимаю. Но как было бы здорово, если бы этот гремлин оказался частью чего-то большего — какого-нибудь заговора в стиле Клуба заговорщиков мистера Блоха.

— Ну, полагаю, мистер Блох не стал бы размениваться на такие мелочи, как убийство какого-то гремлина.

— Наверное, ты прав, дядюшка, — вынужденно признал Джаспер. — Что с ним будет дальше?

— Я еще не думал. Скорее всего, он отправится в мусорный мешок.

— Нет! — воскликнул мальчик. — Нужно его похоронить! Реакция племянника удивила доктора.

— Это же просто гремлин, — сказал он.

— Как ты не понимаешь! У него же есть глаза... и нос, и все остальное. Он жил какую-то свою жизнь, может быть, его даже как-то звали — он не должен быть выброшен на свалку.

Доктор Доу поморщился. Его племянник обладал очень чувствительной, в чем-то даже ранимой натурой. И пусть Джасперу была присуща необычайно развитая для детей его возраста способность к логическому мышлению, порой он тем не менее действовал и мыслил как самый настоящий ребенок. Но сейчас Натаниэль Доу не мог не признать правоту племянника: греmlin все же не какая-то крыса, как утверждают рекламные объявления ядовитого раствора марки «*Мот. Гремлинская смерть*», — доктор убедился в этом лично, проведя вскрытие. Внутри тот имел идентичный человеку набор органов, расположенных в тех же местах, выполняющих ту же функцию. Спорить с тем, что существу на столе весьма подходило прозвище «человечек», было глупо.

Поймав себя на излишней сентиментальности, доктор Доу тут же спохватился, отбросил ее, словно фантик от конфеты, и строго поглядел на племянника.

— Джаспер, ты ведь помнишь, что мы говорили о смертельно больных и умирающих пациентах, когда ты приходил ко мне в больницу?

— Я помню, дядюшка, — угрюмо ответил племянник. — Мы не должны принимать все близко к сердцу.

— Верно. — Доктор Доу кивнул. — А что касается гремлина... Ладно, я пока положу его в холодильную камеру, а утром мы похороним его на заднем дворе.

Джаспер поглядел на дядюшку с благодарностью и, посмотрев на гремлина, с горечью подумал: «Эх, и никакой тайны... Вот ведь жалость...»

Что ж, мог ли он в тот момент знать, что тайна здесь все же скрывалась? Это была тайна, которая вскоре встряхнет, перебудоражит и перевернет кверху дном весь город. И они с дядюшкой уже встряли в нее.

Часы пробили девять вечера.

Доктор и его племянник сидели в гостиной, дядюшка пил свой любимый кофе с корицей, а Джаспер — сиреневый чай. Чай этот не отличался приятным вкусом, от него становился терпким язык, а во рту все пересыхало, но дядюшка настоятельно рекомендовал («Без возражений!») его пить. Тут Джаспер спорить не стал и пообещал себе послушаться дядюшку в чем-нибудь другом как-нибудь потом, когда в этом будет особая нужда. К тому же любимое Джасперово печенье «Твитти» заметно компенсировало неказистость чая.

Джаспер уплетал уже... он сбился со счета, какое печенье, а дядюшка отдавал предпочтение чудесным коврижкам миссис Трикк. Экономка особо расстаралась: коврижки вышли пышными и как следует просахаренными — просто объедение.

За чаем обсуждали различные странные вещи вроде Черных Мотыльков, коварных интриганов (в том числе и таинственного мистера Блохха) и, разумеется, гремлинов в корзинах заплатниц.

Словно внося свою лепту в беседу, негромко жужжала любимица мальчика, пчела Клара. Размером с весьма упитанного котенка, эта мадам, медленно перебирая лапками и вальяжно шевеля усиками, бродила по столу между чашками и блюдами с десертом.

По мнению доктора Доу, Клара была слишком толстой — Джаспер и миссис Трикк ее постоянно подкармливали, — и все равно пчела то и дело бросала на него бесцеремонные взгляды, требуя коврижку: вот ведь наглая сладкоежка!

Натаниэль Доу заставил себя игнорировать полосатую попрошайку, но плохо воспитанная пчела принялась намеренно ступать по ложечкам, звеня ими и многозначительно привлекая внимание к своей персоне. Кажется, она решила вывести доктора из себя.

Джаспер с улыбкой наблюдал за происходящим и мысленно ставил на победу Клары в этом противостоянии. Все испортила миссис Трикк — появившись с очередным подносом, прежде чем вернуться на кухню, она забрала пчелу с собой.

Вечер должен был закончиться довольно обыденно — доктор уже планировал перебраться в кресло у камина, Джаспер собирался вновь погрузиться в свой «Роман-с-продолжением» и даже нашел в журнале место, на котором остановился, но тут...

Во входную дверь раздался стук.

— Кто бы это мог быть? — удивился мальчик, а доктор Доу лишь пожал плечами и пошел открывать, искренне надеясь, что это не пациент, — сейчас ему меньше всего хотелось избавлять кого-то от кома в горле, зуда в пятках или ножа в груди.

Поздний промозглый вечер принес с собой весьма неприятного джентльмена. Пальто с высоко поднятым воротником, черный костюм в тонкую белую полоску, монокль в глазу и пронзительный взгляд, вынырывающий из глубокой тени от полей цилиндра, как из темноты закоулка.

— О, доктор Доу, — сказал гость вкрадчивым голосом. — Как я рад, что застал вас дома!

Натаниэль Доу едва сдержал себя, чтобы не поморщиться.

— Доктор Горрин, — холодно проговорил он. — Разумеется, я дома в этот час. А где мне еще быть?

— Ну, я не знаю. В последнее время у вас столько... — гость на мгновение замолчал и прищурился, — важных дел.

Доктор Горрин служил при Больнице Странных Болезней патологоанатомом, занимал должность полицейского коронера и отвечал за все, что было связано с официальным вскрытием человеческих тел в Тремпл-Толл. А еще он будто бы постоянно таскал за собой смерть и разложение. И временами действительно таскал: его не раз и не два просили удалиться из какого-нибудь кафе, когда он доставал

из своего саквояжа банку с плавающим в ней органом, — доктор Горрин не понимал, отчего на него гnevаются, ведь он просто хотел изучить «кое-что занятное» между утренним кофе и свежим номером «Сплетни».

Впрочем, доктора Горрина и без того все избегали, стараясь заводить с ним разговор лишь в случае крайней нужды. От него пахло формалином, и иногда он забывал мыть руки после очередного вскрытия. А вишенкой на торте была его скверная привычка «вскрывать собеседника». Временами, говоря с вами, он мог словно бы выключиться, уставившись на вашу грудь, и тогда вы чувствовали оцепенение и неловкость, а еще вам начинало казаться, будто чьи-то невидимые пальцы отворачивают вашу кожу в стороны, как уголки конверта.

Если же вы все-таки выстаивали перед всем вышесказанным, то вас настигал странный черный юмор главного аутопсиста Саквояжного района. Нечто вроде:

— Я, как крошечный, но упорный могильный червячок, все пытаюсь прорыть норку к вашему сердцу, доктор Доу, — с широкой улыбкой сказал доктор Горрин.

При этих словах Натаниэль Доу изобразил на лице глубочайшую досаду. Лично его в докторе Горрине сильнее всего раздражало то, что отчего-то этот человек считал, будто он, Натаниэль Френсис Доу, его близкий друг, притом что все знали: у доктора Доу нет друзей. Навязчивость доктора Горрина вызывала у доктора Доу ноющую боль в висках.

— Я боюсь, сейчас не лучшее время для визита, — сказал он.

— Вы говорите так в последнее время очень часто, доктор, — ответил гость. — А между тем нам нужно кое-что обсудить, и вы прекрасно знаете что. Вы ведь не прогоните вашего доброго друга? Может быть, предложите войти?

Доктор Доу не понимал особой расположенности доктора Горрина к своей персоне, ведь он никогда не давал ему поводов считать, что нуждается в собеседнике. Наоборот, он

не раз отвергал притязания коронера — будто наглуую собачонку, отгонял его как мог от своего с таким трудом выпестованного затворничества. Но доктор Горрин был явно не из тех, кто понимает намеки. Еще он был не из тех, кто умеет обижаться, а уж от таких людей отделаться наиболее сложно.

— О, какой дивный запах! — заметил доктор Горрин и втянул носом воздух. — Кажется, пахнет коврижками миссис Трик! Какое чудесное совпадение, а я ведь еще не пил вечерний чай!

Доктор Горрин и прежде частенько напрашивался на чай и к отказам относился снисходительно: «Вы ведь не серьезны! В Тремпл-Толл все знают, что доктор Доу из переулка Трокар — сама душевность и гостеприимность!» Доктор Доу очень надеялся, что никто так не думает, потому что это было злостное вранье, не имеющее к реальному положению вещей никакого отношения.

Глядя, как навязчивый гость вытягивает шею и заглядывает ему через плечо, пытаясь увидеть, что же там еще такого на столе стоит, помимо коврижек, доктор Доу пришел в ужас. Только не это! Чай в компании доктора Горрина?! Что может быть утомительнее?

— К сожалению, мы сейчас очень заняты и... — начал было доктор Доу, но гость его перебил:

— Вы что, хотите от меня избавиться, как будто я пытаюсь всучить вам шестеренки, или спички, или... что там еще продают приставалы-торгаши, стучащие во все двери? Не выйдет!

Натаниэль Доу пристально поглядел на доктора Горрина.

— Что вы сказали? — спросил он.

— У меня действительно к вам очень важное дело, — твердо проговорил гость. — Вы получали мои письма?

— Нет, вы что-то сказали о торговце шестеренками...

Доктор Доу кое-что вспомнил и задумался, при этом топчущийся на пороге доктор Горрин для него будто растворился в темноте позднего вечера.

— Ну и что? При чем здесь вообще шестеренки? — проворчал гость, и Натаниэль Доу очнулся от раздумий:

— К сожалению, у нас совершенно нет времени, доктор Горрин! — решительно заявил он. — Как я и сказал, мы сейчас заняты очень срочным и важным делом. Вы буквально застали нас на пороге... — Доктор Доу повернулся в сторону гостиной. — Джаспер, ты уже готов?! Собирайся скорее, мы выезжаем! Поторопись: ты всегда так долго копаешься!

Измученный Джаспер показался из гостиной с надкушенным печеньем в руке.

— Мы выезжаем?

Доктор Горрин улыбнулся еще шире и поприветствовал мальчика:

— Здравствуйте, мастер Джаспер.

— Добрый вечер, доктор Горрин.

Натаниэль Доу отметил странный блеск в глазах гостя, когда тот поглядел на его племянника, и он ему совсем не понравился.

— Давай поживее, Джаспер! — велел дядюшка. — Дело не ждет!

— Дело?

— Наш пациент наверху. — Доктор Доу наделил племянника таким выразительным взглядом, на какой только был способен.

— А! — Мальчик засунул печенье в рот целиком и принялся торопливо надевать башмаки.

Он догадался, что задумал дядюшка, хоть и не поддерживал его затею. Сбежать из дома, только бы не разговаривать с доктором Горрином? Джаспер считал, что это глупо и как-то уж чересчур по-детски. А еще он этого совершенно не понимал: лично ему доктор Горрин нравился — он был забавным и истории рассказывал чудные. Дядюшка был к нему несправедлив. Мальчик догадывался, что хмурый и пасмурный, как прогнозы Погодного ведомства, Натаниэль Доу просто боится, что кто-то сможет заглянуть под его

раковину, боится хотя бы на мгновение почувствовать себя тем, кого он презирал сильнее всего, — человеческим существом.

Доктор Доу тем временем уже надел пальто, взял со столика в прихожей саквояж, без которого никогда не покидал дом, и потянулся за цилиндром.

— Как обычно, сбегаете, — прокомментировал доктор Горрин.

— Доктор Горрин, — проронил Натаниэль Доу, застегивая пальто. — Давайте вы мне обо всем напишете, мы встретимся и поговорим. Я только разберусь с этим делом...

— Да. Ваш пациент наверху, — сказал доктор Горрин со слегка подтаявшей улыбкой. — Что ж, мне снова ничего не остается, кроме как ждать нашей встречи. Было бы неплохо, если бы вы заглянули ко мне в морг. Конечно же, на своих двоих, — уточнил он в своей мрачной шутиливой манере. — Как только у вас появится первая свободная минутка.

— Непременно, непременно.

— Дайте слово, что заглянете, — сказал доктор Горрин. — Я знаю, что вы не сможете его нарушить.

— Да-да, даю слово. Джаспер, ты готов?

Джаспер кивнул, и они вышли за порог. Натаниэль Доу запер дверь.

— Мы отправляемся, доктор? — раздался хриплый голос.

Возле дома стоял черный фургон, на боку которого, словно на каком-нибудь omnibusе, значился маршрут: «*Ваш дом — станция Морг*». Чернильная крыша-гармошка фургона была сложена, а на передке сидел Броуди, служащий больницы.

— Вы что, прибыли сюда на мертвецком экипаже? — угрюмо спросил доктор Доу.

— Ну да, — как ни в чем не бывало ответил доктор Горрин. — Старушка с улицы Норринс... вроде бы падение с лестницы. Нас вызвали забрать тело. Это же тут, за углом, вот я и подумал заглянуть к вам по дороге — попить чаю, возможно.

Доктор Доу скрипнул зубами — Горрин был неисправим.

— Хорошего вечера, — сказал он и быстрым широким шагом направился туда, где переулок Трокар пересекала улица Фили, — в противоположную сторону от Норринс, чтобы доктору Горрину не пришла в голову идея предложить подвезти их с племянником. Джаспер попрощался с коронером и побежал следом.

Мальчик полагал, что они дойдут до угла, выждут, когда мертвецкий экипаж уедет, и вернуться, но дядюшка не собирался останавливаться.

— Куда мы идем? — спросил Джаспер.

— Я ведь сказал: у нас дело, — ответил доктор Доу. — Неужели ты подумал, что я шучу?

Джаспер покачал головой — его дядюшка никогда не шутил.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

